

полем и воображаемыми сценическими формами, исповедывание труппы едва ли не как семьи, родного дома и зера в свою публику, доброжелательность к зрителям и терпеливое ожидание успеха — как незыблемость и обману — эти принципы не только не подвигли труппу в течение трех десятилетий, но и дали возможность вырастить прекрасный результат. Омский театр вышел на первые позиции искусства как раз в те времена, когда закатывалась слава прежде знаменитых российских коллективов. Похоже, что сегодня и он по этой неумолимой исторической логике готов завоеванную позицию сдать.

Во время одной из наших последних встреч всегда неудержимо оживленная Псарева признавалась, что жить ей стало беспокойно и страшно — и речь шла не о жажде непрерывного репертуара, не об актерской ненасытности, просто актриса перестала узнавать свой театр, потеряла опору, которую раньше нахо-

Дорогая Елена Ивановна...

дила партнеров. Об омской труппе еще по инерции говорят с восклицаниями, но ведь ее нет уже ни Теплоза, ни Чонишвили (этого неповторимого Чоника!), ни Щеголева, ни Ожиговой — из жизни ушли не только лучшие артисты, цвет театра, но держатели его художественных, профессиональных, этических принципов. На смену старой проверенной дирекции — Ханжарову и Цеховалу — пришли молодые, деятельные, честолюбивые работники, за ними потянулась другая режиссура.

Все так, все правильно, надо положить начало новому. Но вдруг оказалось, что новым специалистам старый омский театр слишком уж чужд, и они резко желают изменить его суть и облик — да так порой резко, что и костей не соберешь. Труппа нервничает, начинает ощущать драматизм впустую прожитых сезонов. Невздорный, насмешливый, добросердечный театр обрывает колючками скептицизма — и видеть это старейшине труппы тя-же-ло!

Я пытался шутить — получалось не-попад. Я хотел поддаться — выходило как-то нарочно. Успокоить взвинченную творческую натуру могло только дело, а оно-то и ускользало из рук. Омский театр стал терять публику, закрыл ярсы, продал лишь партер, ищет отзывчивых спонсоров, устремляется к зарубежным контактам, повышает зарплату, но настроение у него неважное.

И думаю я в этот момент о том, что вернуть ему душевное равновесие в наше смутное время не так-то просто. Омские актеры пьют из той чаши, из какой пили горечь в былые годы их предшественники по российской славе.

Мы совершенствуем дело, разрабатываем контрактную систему, прогнозируем возвращение антрепризы, но попутно давайте отметим про себя, что в нашей биографии образовались такие города, что завоевали авторитет национальных культурных центров, и такие театры, чья опыт и традиции можно считать историческими. И меня на ходу их миндл, озабоченная необходимостью сберечь им душу и индивидуальность.

Все труднее нынче найти дельного и одаренного главного режиссера, который бы и себя не потерял, и новую труппу мог бы распознать. Но пока — пауза, что сродни затяжной болезни, мучительному русскому сплину, из которого и прежде пытались вырваться с помощью заграничных врачей, да что-то долго шло лечение. Врач этому делу нужен домашний.

Беспокойство омских актеров овладело и мной. Я им сочувствую, но при этом признаюсь, что последние их спектакли мне не нравятся. Но хочу, чтобы они выстояли, чтобы их общность не распалась, чтобы понятие «омский театр» не растворилось.

И звоню в Омск в день юбилея Псаревой, и кричу искренние ободряющие слова, и повторяю: «Дорогая, дорогая, дорогая...».

И, кажется, Елена Ивановна слышит, и что-то хорошее кричит в ответ.

Виктор КАЛИШ.

ПОДРОБНОСТИ ЖИЗНИ

ТЕЛЕВИЗОР я, конечно, разбивать не стал, но чувства, признаться, владела мной недобрыми, и вот почему. В один из дней группа ЦТ вела съемку дискуссии, омские актеры постепенно расплались, да и наш спор с оппонентом шел оживленно, обоюдоактивно, вибрируя меж поверхностными и вполне глубинными слоями. Спектакль известного в стране театра был поставлен зарубежным режиссером, который эмоционально и несколько нервозно «монтировал» в канву «Униженных и оскорбленных» мотивы других вещей Достоевского и переосмысленные фрагменты современных романов и документов эпохи. Было что увидеть, над чем помучиться, о чем после пошуметь.

Противоречивый, сбивчивый, но, несомненно, самобытный спектакль в телеизложении оказался монотонным, полным невятиц. А импульсивная дискуссия вылилась в монолог оппонента, на фоне которого иные аргументы и живые актерские реплики казались этаким «бэкграундом» — то есть мы как бы подпева-вали в сторонке.

В этом незаурядном зрелище, поставленном режиссером из ФРГ Генрихом Барсеновским, причудливо соединились кризисные черты в искусстве омской труппы, свойственная ей же неуемная жажда новизны, разочарование в собственной режиссуре последнего времени и готовность отдать себя во власть яркого гастролера, в которого можно было влюбиться безотчетно и потом столь же безоглядно бросаться на его защиту.

И вот, время от времени прерывая накатанный ход полемики, замечательная Елена Ивановна Псарева мягко, но и не без раздражения возмат в нас скрипучую реплику: не забывайте, мол, что режиссер не ставил роман, он вам прямо все написал: фантазии это, сновидения. Лучшая актриса труппы защищала то, что ее театр осваивает с немалым трудом: неожиданность жанрового поворота, поэтическую ауру, индивидуальный стиль художника.

Принципы Омского театра драмы — гуманизм, гармония между человеческим